

*Первоначальный вариант опубликован в журнале
"Атлантика. Atlantica. Записки по исторической поэтике", Вып. 2, М., МГУ 1996.*

А. Циммерлинг

В ПОИСКАХ УСТНОГО ТЕКСТА

*А тогда сорвал он с него шлем и отсек
ему голову долой. И после того
отправились они все ужинать.*

Томас Мэлори "Смерть Артура"

За последние полвека лингвистика пришла к необходимости изучать связь между условиями существования языка и жанровой системой его памятников [Стеблин-Каменский 1971], [Стеблин-Каменский 1978], а также между композицией текста и синтаксисом его составляющих [Daneš 1974], [Longacre 1979]. История германских языков дает богатый материал для изучения данной взаимосвязи. Известно, что появление письменности в древнегерманском обществе не везде знаменовало собой прекращение традиции устного исполнения [Heusler 1942: 24]. Там, где оригинальные эпические тексты сохраняли культурный статус и в новой системе жанров, "ученая" и "народная" традиции не противопоставлены, а взаимно дополняют и обогащают друг друга [Karlsson 1986]. В этих условиях, как показал М.И.Стеблин-Каменский, еще отсутствует отношение к тексту как к фиксированной вербальной форме: запись (переписывание) эддической песни или саги неотделима от пересочинения [Стеблин-Каменский 1971: 44], [Стеблин-Каменский 1978: 149].

Отсюда следует, что древние германские языки можно трактовать как *младописьменные* до тех пор, пока языковое сознание древних германцев не ориентировано на тексты, однозначно предполагающие письменную фиксацию. То, что данный взгляд не стал общепринятым в лингвистике, объясняется, в первую очередь, неразработанностью методики анализа древних текстов¹. Противодействие же ряда литературоведов обусловлено их нежеланием признавать дошедшие до нас памятники непосредственным продолжением устной традиции. Эта группа ученых либо вообще отрицает реальность последней [Baetke 1956: 22-26], либо ищет следы её радикальной переработки в рамках авторского сознания, ср. [Von See 1982: 453, 456, 463].

¹ Употребляя термин "младописьменный", мы отдаем себе отчет, что отечественный читатель улавливает в нем скорее социально-политический, нежели собственно лингвистический смысл — "язык народностей, получивших письменность в недавнее время, благодаря культурно-просветительской миссии других народов". Мы не вкладываем в термин оценочного содержания и предпочитаем говорить не о "младописьменной культуре", а о "младописьменном периоде истории языка" как типологически закономерной стадии, в течение которой синтаксис письменного текста в существенной степени определяется коммуникативными принципами, сложившимися в устный период. Попыткой реконструкции данных принципов и является наша статья.

Таким образом, оценка древнегерманских памятников существенно зависит от той концепции становления литературы, которой придерживается исследователь. Чтобы выйти из порочного круга, надо точно определить параметры, связывающие синтаксис архаичных германских языков с принципами построения текста в младописьменном обществе.

Важнейший шаг в этом направлении сделал Андреас Хойслер. Около века назад² он выдвинул тезис, что в языке древнегерманских эпических памятников основной синтаксической единицей является их композиционный эпизод, в то время как отдельные предложения структурированы слабо [Heusler 1913], [Heusler 1969]. Подход Хойслера основан на признании соответствия между сверхфразовыми единствами и темами эпоса [Heusler 1969: 404]³. С другой стороны, теория формул утверждает, что эпический текст воспроизводится с точностью до последовательности формул, т.е. ритмико-синтаксических шаблонов [Lord 1960]. Если это верно, предел членимости прямо характеризует способ бытования текста и косвенно – условия передачи информации в обществе.

Гипотеза Хойслера подкрепляется прежде всего анализом исландских саг, хотя сам Хойслер, видимо, распространял свой подход и на древнегерман-

² Концепция Хойслера изложена в ряде его работ конца XIX - начала XX в. В "Грамматике древнеисландского языка" [1913] условиям реализации предложений в составе более крупных отрезков текста целиком посвящены главы XXXVII-XXXVIII [Heusler 1913: 187 - 211]. Здесь Хойслер основное внимание уделяет доказательству эквивалентности разных порядков слов друг другу и одинаковой степени их контекстной зависимости [ibid., пп. 477, 481, 482, 485]; к сходным выводам о порядке слов в языке древнеисландской прозы до Хойслера пришел Б. Дельбрюк [Delbrück 1911]. То же утверждается и о соотношении полных и эллиптических вариантов высказываний [Heusler 1913: § 489, с. 202]. В этой связи Хойслер указывает на текстообразующую роль инверсии (точнее, позиционных перестановок, так как понятие "инверсии" подлежит в его системе терминов критическому осмыслению – ibid. §§ 490-496, с. 202-206). Период саги ("крупный отрезок текста") трактуется Хойслером прежде всего как ритмико-синтаксическое единство: на с. 199 говорится, что линейное расположение элементов синтагмы в типичном случае предполагает несколько равноправных вариантов, не нарушающих логического содержания, и что решающее значение при этом получают "осознанные или неосознанные ритмические тенденции". Тот же принцип распространяется далее и на сам состав синтагмы, ср. сказанное в § 489 об эллипсисе [ibid., 202]. Для правильного понимания термина "ритмический" следует иметь в виду, что Хойслер исходит из того, что прозе присуща имманентная ритмическая организация. Этот взгляд представлен уже в работе 1889 г., цит. по: [Heusler 1969 II 695-696], ср. также работу 1915 г. [ibid., 296, 307].

³ В работе "Происхождение исландской саги", впервые опубликованной в 1913 г., Хойслер указывает, что период соотносится с законченным сообщением, составляющим этап повествования [ibid., 404-406] – на конкретном примере показывается, что правильная сегментация текста на периоды есть условие его правильного понимания. Согласно Хойслеру, членение саги на эпизоды необходимо задается структурой целого [ibid., 450-451], и определяется техникой устного рассказа [ibid., 447, 454, 458]. Наконец, в работах разных лет Хойслер указывает на отдельные черты синтаксиса саг, прямо связанные с организацией периода: использование эпических частиц [Heusler 1913: § 480, с. 195-196], употребление исторического презенса [ibid., §§ 497-502, с. 207-211], плеоназм глаголов говорения [Heusler 1969 II: 671-672, 686], синтагматическую зависимость отдельных типов безличного предложения и переходные случаи между эллипсисом и безличностью [Heusler 1913: §§ 489, 490.2, с. 202, 204].

ские поэтические памятники⁴. Недавно к анализу древнеисландской прозы обратился Ю.К.Кузьменко [Кузьменко 1985], [Кузьменко 1991]. Он акцентирует внимание на трех положениях: 1) эксплицитная членимость текста на структурно полноценные предложения — результат кодифицирующего влияния письменной традиции на речевую деятельность коллектива; 2) объединение синтагм в потоке речи — универсальная черта устной речи; 3) саги — тексты с перспективной устного исполнения. При такой постановке вопроса синтаксическое выделение крупных фрагментов текста — "периодов саги" в ущерб отдельным предложениям перестает быть маргинальным фактом и может быть понято как общая черта младописьменных языков.

Период саги можно определить как полипредикатную единицу, описывающую одну общую референтную ситуацию. По удачной метафоре Хойслера, период подобен сцене, где есть общий герой-протагонист, с которым рассказчик связывает ряд событий, ср.:

*N*ðsagnar; *Hald*\rr; hestanna ok leitar; ok # *fi*x; *n*ð ok *zy*kkir; vera illa haldnir, ok # *ferr*; *n*ð til fundar *vi*xyr<in; # *ver*x; *n*ð *vi*xhann; skapf<at, ok veitir; honum; <verka sv<n`kkva mikinn, at honum; var *zut* gildir *zy*kkir ok eigi banv*F*nligr (Q III 16-263).

букв. "Вот *Халльдор* хватается; своих лошадей и ищет;# и вот находит;#, и кажется; [# ему], что с ними обращались дурно, и едет; *теперь* к Торарину; становится; *вот* на него; гневным, и наносит; ему; *столь* большую рану, что *это* было ему; большим ущербом, но [букв. и] не опасным для жизни⁵."

В качестве маркеров периода выступают элементы, дистрибуция которых на уровне простого предложения грамматически необусловлена:

- *Актуализаторы*: — действительные частицы *n*ð "вот", "сейчас", "теперь", *z* "тогда", "затем", повествовательная инверсия *Глагол - Субъект* [Кузьменко 1991: 142-143, 146-147].
- *Маркеры смены точки зрения*: чередования временных форм [Смирницкая 1976], свободный переход от косвенной речи к прямой [Heusler 1913: 205-211].
- *Средства компрессии текста*: эллипсис субъекта, предиката, дополнения, плеоназмы типа *Местоимение + Существительное* и *Существительное + Местоимение* [Кузьменко 1991: 144-145, 148], анафорические и интродуктивные частицы *zut* "это, то, оно", *zur* "там", *sv* "так".
- 4) *Показатели непрерывности синтаксической связи*: бессоюзное примыкание синтагм и/или употребление паратактических союзов с широким значением *ok* "и", "а", *en* "а", "но", *e*x "или", "да и", *z*\ "хотя", "же".

Членение на периоды проходит через всю сагу и соответствует прогрессии эпических тем, что показал уже Хойслер [Heusler 1969: 450, 458]. Исключения составляют отдельные короткие реплики внутри диалогов, но их допустимо

⁴ Так, анализируя в работе 1902 г. язык древнеанглийских поэм, Хойслер признает ключевым вопросом "соотношение метрического и синтаксического периода" [Heusler 1969 II : 651]. В той же работе несколько строф "Прорицания Вельвы" трактуются как единый период со своими характерными синтаксическими особенностями [ibid., 653-654]. В работе 1917 г. Хойслер анализирует анафора, эпифора, инверсия как механизмы, скрепляющие сверхфразовые единства в строфичной аллитерационной поэзии, и видит в них критерий для реконструкции исконной структуры текста [ibid., 198].

⁵ Маркеры периода выделены курсивом, имя героя - протагониста – жирным шрифтом.

трактовать как текст в тексте. Ту же интерпретацию можно принять для пословиц, предложений и иных коротких формульных текстов [Смирницкая 1993: 66]. В то же время принцип развернутого описания нередко распространяется и на вставки ученого стиля — т.н. клаузулы.

Между темами саги и периодами речи существует одно-однозначное соответствие: информация, выступающая с композиционной функцией, требует отрезка больше фразы, а период служит звеном рассказа. Поэтому синтаксис саги можно назвать коммуникативно проницаемым в том смысле, что границы синтаксического целого совпадают с границами сообщения. Отрезки меньше периода не только не составляют самостоятельного сообщения, но часто и структурно неполны. В этих условиях именно период получает максимум формальных средств, характеризующих единицу синтаксиса.

Представляется, что историко-типологический аспект обсуждаемой концепции сравнительно ясен. Как подчеркнул Ю.К.Кузьменко, сами грамматические средства организации периода характерны для широкого круга современных языков [Кузьменко 1991: 150]. Еще учитель Хойслера Герман Пауль отмечал, что в первых письменных памятниках германских языков предложение лишено как верхнего, так и нижнего предела: нет четкой грани между сложным и распространенным предложением, а порой и между простым предложением и словосочетанием⁶ [Пауль 1960: 169, 172, 177, 354, 374]. Структурная незамкнутость предложения тесно связана с его ориентацией на широкий вербальный контекст. Отказ от универсалистского подхода, при котором предложение а priori признается базовой единицей языка⁶, полезен для целей исторической диалектологии, так как он позволяет надеяться отделить черты, унаследованные из праязыка, от тенденций, проявившихся в ходе индивидуальной письменной истории отдельных диалектов.

Сложнее оценить связь между структурой устного сообщения и жанровой перспективой саги. Сегментацию на периоды можно связывать не только с практикой устного исполнения, но и с условиями передачи информации в обществе. Первое объяснение ставит сагу в один ряд с прочими эпическими текстами, второе — в один ряд со всеми социально значимыми текстами (не только литературными). Далее мы рассмотрим, какие именно черты устного сообщения присущи периоду саги и саге в целом.

Устные жанры нового времени (байки, анекдоты и т.п.) часто ассоциируют со спонтанной речью. Эффект спонтанности возникает потому, что ситуация рассказа разворачивается поэтапно и слушатель вынужден вставать на точку зрения говорящего. Отсюда возможность пренебречь требованиями однозначности, как в отрывке из романа сэра Томаса Мэлори, выбранном нами в качестве эпиграфа: ясно, что если кому-то отрубили голову, он обычно не может затем отправиться ужинать. Рассматривая период саги как аналог устного сообщения, мы легко найдем похожие примеры, ср.:

Eyvindr; t k uppi stökk ok reið; um `xl sJ ok hlj þ; zar d af garxnum, er maxinn lç undir, ok var; zetta yorvarx; . Hann; spratt; upp ok varx felmsfullr. En zegar er hann; kom; til, t\kst mannfallit Rardaganum, ok hafx; hann; kastat sJ nið af mEð undir garxinn — (Q XI, 61)

⁶ Ср. классическое определение предложения как “структуры, которая не может выступать в качестве элемента другой структуры” [Курилович 1962: 35].

"Эйвинд_і схватил_і бревно, (и) взвалил_і себе на плечи, (и) побежал_і и прибежал_і к месту, где тот человек лежал_і под изгородью: а был это Торвард_і. Он (=Т.) вскочил_і и был_і очень напуган. Но как только он_і (= Э.) подоспел_і к месту битвы, дошло до убийств, и он_і (= Т.) рухнул_і на землю возле изгороди от изнеможения".

Исландский язык легко позволяет развести значения "он" и "тот", и отделить бодро бегущего Эйвинда от валяющегося под забором Торварда, но для саги это избыточно, поскольку лишь первый является героем периода и внимание слушателя сосредоточено на нем.

Способ объединения синтагм отражает статус референтов в более крупном фрагменте саги. Если подлежащее коммуникативно релевантно, допускается плеонастическая конструкция:

En P. Jr. B. < xarson, er einn var inn vaskasti ma x, hann vildi eigi fara at Tuma, fr fnda s Rum (Sturl III, 422)

"А Петр Бардарсон, который был очень храбрый человек, он отказался напасть на своего родича Туми "

На другом полюсе стоит эллиптическое объединение синтагм с коммуникативно нерелевантными подлежащими:

у ur x miklar orrustur, #drepnir tveir b fndr, h J annarr i, en annarr Snorri, ok einn ma x # f th ` ggvin (Sturl III, 450)

"Тогда случились большие битвы, # убиты два бонда, один звался Ими, а второй Снорри, и одному человеку нога # отрублена".

Параллели между спонтанной речью и сагой ограничены узким кругом явлений, прежде всего способом упоминания персонажей. Более интересные результаты можно получить, исследуя всю сагу как цельное сообщение. Воспроизводство саги основано на обратимости ролей рассказчика/слушателя, при этом изменения, вносимые переписчиками, позволяют оценить степень их зависимости от традиции.

Сага является не только системой рассказа, но и формой хранения информации: полное понимание саги предполагает способность ее рассказать. Расхождения между версиями выражают зависимость, а зачастую — и неотделимость рассказчика от условий записи. Две версии "Пряди об Аудуне с Западных Фьёрдов" относятся к разным эпохам: ранняя, MS, датируется первой половиной XIII, вторая, FB, — концом XIV в. Рассказчик второй версии старался адекватно отразить текст MS — он не выбросил из него ни единой детали. Это не помешало ему расширить свой текст в полтора раза за счет догадок и конъектур. Версии отличаются и по своей манере: вставки FB вносят чуждый MS дидактический тон, ослабляют гротескные реплики [Циммерлинг 1992]. Но все эти различия, в свою очередь, объясняются разными коммуникативными задачами рассказчиков. Для рассказчика MS история Аудуна — не более чем вставной эпизод в саге о норвежском короле Харальде Суровом, занимательность служит для него самоцелью. Второй рассказчик, Магнус Торхалльсон, составлял обширную компиляцию саг, при этом сага о Харальде уже была в библиотеке заказчика, и компилятор стремился превратить вставной эпизод в сагу о заглавном герое: именно поэтому он замедлял ход повествования и расширял текст за счет своих конъектур.

Между версиями "Пряди об Аудуне" — дистанция более чем в полтора века. Для **MS** членение на отрезки меньше периода еще нерелевантно, в **FB** членение на периоды уже накладывается на членение на предложения. Это, несомненно, говорит об упадке саговой традиции. И все же рассказчик **FB** еще находится внутри нее: к предшествующей версии он отнесся не как к фиксированному тексту, а как к комплексу информации, подлежащей рассказу.

Расхождения между списками не всегда столь заметны, как в данном случае. Однако там, где текст был испорчен или непонятен, писцы вставляли в сагу свои конъектуры, причем такие места свидетельствуют не о механическом восстановлении букв, но об интерпретации больших кусков текста. Многие из таких случаев подтверждают мнение, что писцы проговаривали текст вслух, ср.:

A) ekki sto **x** ek m **Δ** **zR** vi **x** mik [...**x**a # j e K! m a: l zi: n...]

"Не помогу я делу твоему собой"

B) ekki sto **x**ar jagm **Δ** **zR** vi **x** mik [...**x**a r j a K! m a: l zi: n...]

"Не поможет твое нытье со мной"

Смысл места в первоисточнике: "я твоему делу не помощник" [IF XI, 37]. Адресат данной реплики представлен в саге как человек жалкий, поэтому писец решил связать отказ говорящего с негативной оценкой адресата и дать читателю ориентир.

Передача информации от рассказчика к слушателю предполагает среду, для которой события рассказа остаются актуальными. Преемственность традиции сохраняется благодаря знакомству аудитории с событиями саги или с их общепринятой версией. Так, компилятор **FB** делал поправку на то, что его современники читали или слышали такой известный текст, как "Прядь об Аудуне". С другой стороны, все списки "Саги о Людях из Оружейного Фьёрда" оставляют большую лауну в рукописи-источнике незаполненной [Q XI, 49], очевидно потому, что в XIV-XV вв. у писцов не было самостоятельных источников информации; не исключено, что их предшественники в XIII в. поступали иначе.

Если не принимать в расчет провалы памяти и ошибки пера, случайные изменения саги возможны лишь тогда, когда писец впервые видит текст, который переписывает, и не интересуется им. Но вероятность такой ситуации мала. Даже в начале XVIII в. секретарь Ауртни Магнуссона Йоун Оулафссон, один раз прочитав текст "Саги о Битве на Пустоши", смог восстановить его по памяти после того как оригинал сгорел. При этом ряд неточностей Йоуна был вызван тем, что в рукописи, которую он переписывал, было лишь начало саги, и писец не знал её реального объема [Q III: CVII].

Ряд комментаторов считает возможным различать установки на сохранение текста (роль "писца") и на его переработку — расширение, сокращение — (роль "редактора") [Von See 1982: 453], [Knirk 1994: 476]. Мы старались показать, что это противопоставление безусловно: и в том, и в другом случае освоение смысла саги неотделимо от составления собственной версии, а адекватная передача не предполагает буквального воспроизведения. Материал показывает, что возможны разные сочетания установок:

i) [+ **сохранение - переработка**] — списки "Саги о людях из Оружейного Фьёрда";

ii) [- **сохранение + переработка**] — согласно Х. Магерою и Дж.Книрку, так обстоит дело с версиями "Саг о Посошниках", написанными по заказу враждующих партий — [Knirk 1994].

iii) [+ **сохранение**, + **переработка**] — версии "Пряди об Аудуне с Западных Фьёрдов", "Пересказ Йоуна Оулафссона".

Итак, ключевым фактором восприятия саги является предварительное знакомство аудитории с ее событиями и неполная новизна сообщения. В этих условиях сага действует как повествовательный код, активирующий данную информацию в сознании слушателей. Сага как форма рассказа, независимо от того, зафиксирована она или нет, обращена к аудитории, способной построить собственную версию на основе услышанного/прочитанного. Новый рассказчик восстанавливает иерархию фактов, построенную его предшественником, и на основе этого создает собственную.

В свою очередь, феномен доступности информации задается коммуникативными ограничениями данной эпохи: не все аспекты действительности поддаются описанию или равно интересны. Так, невозможно повествование о настоящем, нет осознанного вымысла, описаний внутренних переживаний [Стеблин-Каменский 1971: 72]. Тот факт, что предметом саги служат не произвольные, а важные события прошлого, рождает иллюзию (сближающую древних рассказчиков с частью саговедов), будто есть только один правильный способ рассказа о данных событиях, поэтому на месте рассказчика мог быть и кто-то другой.

Легкость, с которой рассказчики домысливает детали ситуации, вызвана еще и тем, что события саги стандартизованы и излагаются при помощи известных аудитории стереотипов⁷. "Объективная" манера саг перекидывает мост от рассказчика к слушателю и позволяет им проецировать себя в прошлое в качестве наблюдателя, описывающего происходящее со стороны [Heusler 1969 II 426], [Смирницкая 1993: 61], ср. [Baetke 1956: 8]. Важно, что обратимость ролей рассказчика/слушателя тесно связана с микролингвистическими параметрами, такими, как чередование временных форм и употребление глаголов мнения⁸.

- *Отсутствие осознанного авторства* с лингвистической точки зрения соответствует условиям детерминированности сообщения, актуальности, релевантности, неполной новизны, равной компетенции. Совокупность данных условий образует необходимую посылку для обратимости коммуникативных ролей.
- Условие *детерминированности* отражает зависимость сообщения от предыдущих актов исполнения традиционного текста. Соглашаясь продолжить традицию, рассказчик *de facto* признает свой источник достоверным.⁹
- Условие *актуальности* требует от аудитории активного интереса к предмету рассказа.¹⁰

⁷ По-видимому, схемы периодов тоже можно описывать как когнитивные стереотипы ("ввод персонажа", "действие героя и его результат", "дислокация" и т.д.), но подобный анализ отсутствует.

⁸ Таким образом, можно наметить три уровня обработки текста: маркеры смены точки зрения – интроспективное освещение прошлого – стандартизация ситуаций.

⁹ Соглашаясь слушать фантастические саги, аудитория частично признает их достоверность. Мнение короля Сверрира, что "лживые саги всего забавнее" — En zessari s`gu [Hr`munds s`gu Gr`ssonar] var skemmt Sverri konungi, ok kallaxi hann si`Rar lygis`gur skemmtiligstar —, приводится в описании праздника в Рейкьяхолап ("Сага о Торгильсе и Хавлиди", гл. 10) с негативным подтекстом: будучи самозванцем, порвавшим с традицией, Сверрир объявляет лживыми тексты которые для корректного слушателя относятся к категории "трудно проверить".

- Условие *релевантности* основано на конвенции, что предметом рассказа являются лишь значительные события¹¹: если об X "нет саги", то о нем "нечего рассказать", т.е. не следует рассказывать подробно.
- Условие *равной компетенции* предполагает существование круга лиц, которые могли бы выступить с данным сообщением наравне с рассказчиком¹².
- Условие *неполной новизны* указывает, что исполняемый текст не является единственным источником информации о данных событиях. Альтернативным источником всегда служит интроспекция и представления о том, как нужно рассказывать события "данного типа", иными словами — нарративные стереотипы.

Перечисленные условия в значительной степени можно экстраполировать за пределы литературной традиции. Основания для такой уверенности следующие:

— В письменную эпоху сага резко расширяет область сообщения. Предметом саги могут быть вообще любые события прошлого: хроника, легенда, житие, рыцарский роман принимают в Исландии XIII-XV вв. форму саги [Стеблин-Каменский 1984]. При этом не только частично снимается эпическая дистанция [Смирницкая 1993: 60], но и происходит демотивация повествовательной формы, которая превращается в универсальный нарративный код. Поэтому сага типологически близка устному рассказу не только благодаря своим корням, но и благодаря специфическому направлению своей жанровой эволюции.

— В эпоху жестких жанровых ограничений устное сообщение не может быть произвольным. Возможность выразить что угодно и в какой угодно форме — историческое завоевание современного узуса, которое не следует приписывать другим эпохам. То, что мы знаем о юридически обоснованной речи древних скандинавов как субстрате устной литературы, указывает на стремление говорящего выйти за пределы ситуации речевого акта и поместить свое высказывание в широкий эмпирический контекст, где оно может быть верифицировано. Именно такова структура периода саги.

Проблематика нашей статьи своеобразно преломляется в семантике слова "сага". Хорошо известно, что в древнеисландском языке *saga* значит как "рассказ", так и "события рассказа", "история". М.И. Стеблин-Каменский указал, что значение "сага как жанр текста" вторично по отношению к значению "рассказ вообще", для самой же саговой традиции вербальная форма саги не отвлечена от ее содержания [Стеблин-Каменский 1971: 18-20, 40]. Соглашаясь с данным выводом, мы предпочитаем добавить к двум основным значениям "рас-

¹⁰ Вопрос об относительной древности жанров саг остается дискуссионным. Предпочтительно исходить из первичности родовой саги, так как здесь мы имеем естественную среду, для которой память об истории рода или местности сохраняет актуальность.

¹¹ Ср. в этой связи парные понятия *tíðindi* "/новости/факт/важное изменение/трагическое событие" vs *nýhunda* — "новая, незначительная или непроверенная информация".

¹² Легко представить себе ситуацию, где сообщение, относящееся к прошлому, для слушателей является новым. В этом случае любой очевидец событий мог бы рассказать их так же, как рассказчик. Так, в "Саге о Сверрире" (Sv 96) описывается, как жители Бергена ждут итога битвы при Фимрейти и встречают корабль гонца: им оказывается берестяник Петр Свинья, который сообщает жителям Бергена о разгроме и гибели конунга Магнуса.

сказ о событии" vs "события рассказа" третье значение — "события, достойные рассказа".

- SAGA₁ — рассказ о событиях, существующий в устной или письменной форме. В данном значении слово *saga* ориентировано на позицию локатива, контекст — "как рассказывается в саге X-а" (*sem segir R`gule-s*). Дистанция между временем события и моментом речи обязательна.
- SAGA₂ — факт, о котором существует рассказ (в ряду всех других верифицированных фактов). В этом значении слово *saga* ориентировано на позицию подлежащего, она может "случаться" или "происходить" (*gerask, fara*). Исторический презенс не должен вводить в заблуждение: дистанция обязательна.

Контекст "рассказывать сагу", где слово *saga* занимает позицию тавтологического объекта, образует переходную зону, где различие между SAGA₁ и SAGA₂ нейтрализуется — SAGA₁₋₂. Это показывает пословица *sv<skal s`gule segja er hon ferr*, букв. "сагу надо рассказывать так, как она происходит", т.е. "сагу надо рассказывать в той же хронологической последовательности, как она происходит" (презупция: есть только один правильный способ рассказа¹³). Значение SAGA₁₋₂ характерно также для тех композитов со словом *saga*, которые выступают в качестве имен речевых действий — *hersaga* "весть о войне", *sp<saga* "пророчество".

- SAGA₃ — масштаб события, события достойные запоминания, о которых существует/сложится традиция (факт в конечном ряду фактов). Дистанция факультативна. Синоним – слово *fr<sagn* "рассказ", "предание" в конструкции *fFra R`sagnir* "составлять рассказ", букв. "вставлять в предания". То же значение характерно для прилагательного *s`guligr* "достойный запоминания", "саговый", "исторический".

Здесь мы еще раз приближаемся к взаимопроникновению литературы и жизни, установок рассказчика и поведенческих установок в средневековом обществе. Действия исландцев X — XIII вв. во многом определялись опорой на свершение, достойное остаться в памяти, т.е. на SAGA₃. Герой "Саги о Людях из Оружейного Фьёрда" Торкель сын Гейтира восклицает во время битвы:

KlFkilega sE`kum vJ`ndat, er ekki verx s`guligt (Q XI, 61)

"Плохо бьемся мы сейчас, раз не происходит ничего *памятного*
[букв: *сагового*]"

В "Саге о Торгильсе Заячья Губа" (гл. 16) юноша, захваченный врагами врасплох и ждущий своей участи, говорит другу Торду Хитнесингу:

¹³ Требование "рассказывать сагу, соблюдая последовательность ее событий" и вывод о единственности правильной версии, как нетрудно увидеть, логически вытекают друг из друга. В самом деле, чтобы восстановить связность произошедшего, рассказчик должен не только соблюдать линейную последовательность, но и опускать события, для данной саги нерелевантные. Для этого он должен заранее знать, какие события относятся к его саге, а какие нет, иными словами, обращаясь к SAGA₂, держать в голове схему рассказа SAGA₁. Поэтому установка на иконичность рассказа саги всегда предполагает активное восприятие, т.е. способность рассказать о случившемся: события саги воспринимаются в уже структурированном, готовом для рассказа виде, а механизм, стоящий за подзначением SAGA₁₋₂, действует как когнитивный стереотип.

Orti **у**л**а**х **о**г**а** < hann ok spyrr, hv**а** **В**ann v**а** **В**ri sv< f<. "Ek hugsa **z**at", — segir **у**orgils, hv**а** **В**jillt m**а** **з**ykkir, ef engi skal saga ganga fr< m**а** **з**, <**а** en **з**vr l**а** **В**mitt, sv< at ek geta ekki <hefnilei**а** **а**it um sv**а** **В**irking **з**< er m**а** **з** er ndger" (Sturl III, 215).

"Торд обратился к нему и спросил, отчего тот столь мрачен. "Я размышляю над тем, — говорит Торгильс, сколь мне будет обидно, *если обо мне не сложится сага, прежде чем кончится моя жизнь*, и я никогда не смогу расквитаться за тот позор, который мне нанесен".

Вскоре Торгильса освобождают, он становится могущественным человеком, на короткое время подчиняет себе большую часть Исландии, и затем гибнет. Сага о нем писалась по свежим следам, когда свидетели его слов могли быть живы¹⁴.

Анализируя текст "Саги о Названных Братьях", К. фон Зее приходит к выводу, что первоначально данная сага представляла собой "незатейливую историю о двух весьма грубых парнях", и лишь впоследствии была внесена христианская идея, связывающая главного героя с конунгом Олавом Святым [Von See 1981: 457]. Оставляя в стороне вопрос о христианстве, отметим, что неправдоподобно само рассуждение. При всей стереотипности изложения события подлежат передаче лишь потому, что есть представление об их сверхиндивидуальной ценности, т.е. существует "предвзятая идея", упорядочивающая факты биографии Эгиля, Тормода или Торгильса Заячья Губа в данной саге.

Фундаментальную роль селекции фактов в рамках конкретной версии показывают следующие примеры:

ekki var**а** **з**s `guligt um **з**arvist kaupmannna: f**а**ru **з**eir nd til skips, er v<**а** **а**, ok bjuggu ok l**а**gu sv<til hafs (Q III, 114)

"За время пребывания купцов не произошло ничего *сагового* [= относящегося к данной саге]: весной они выехали к кораблю, снарядили его в путь и отплыли в море."

En **з** **В**get ek eigi **з**eira sm **а**greina, sem milli f**а**ru **з**eira Bjarnar ok **у**л**а**х, <**а** Bj`rn kom til Sk**а**da, at **з** **В** heyra ekki til **з**essarri s `gu (Q III, 112)

"Но я не упоминаю мелкие склоки между Бьёрном и Тордом, произошедшие до того, как Бьёрн попал к Скули, *по той причине, что они не относятся к данной саге*".

Аналогичные пассажи, касающиеся отбора релевантных событий, дважды встречаются в "Саге о Сверрире" (Sv 71-163).

Изложенные в статье факты говорят о конструктивной важности единого композиционного замысла саги, проявлениями которого оказываются отбор информации и сегментация на периоды. Вместе с тем, М.И.Стеблин-Каменский неоднократно подчеркивал незамкнутость композиции отдельно взятой саги, ее опору на фоновые знания [Стеблин-Каменский 1971: 33, 63, 65]. Нам кажется, что непреодолимого противоречия здесь нет.

¹⁴ Существует мнение, что "Сага о Торгильсе Заячья Губа", откуда взят приведенный эпизод, составлена между 1275 и 1280 гг. самим Тордом Хитнесингом, который везде говорит о себе в третьем лице [Jónsson 1954]. Несмотря на явные симпатии Торда к своему покойному патрону Торгильсу, и его тенденциозность по отношению к ряду современников, нет оснований подозревать его в прямом вымысле и присочинении слов о саге. Для стиля Торда вообще характерно сохранение деталей, лежащих в стороне от основной сюжетной линии: так, например, Торд вставляет в "Сагу о Торгильсе Заячья Губа" рассказ о своей встрече с выдающимся современником, хёвдингом, историком и скальдом Стурлой Тордарсоном (гл. 41) — просто потому, что слова и оценки, данные Стурлой, оказались ему достойными упоминания.

Каждая сага концептуализует лишь некоторую часть совокупного опыта. При этом "прото-сага", в нашей классификации SAGA₂, оказывается предпосылкой саги как литературного произведения (SAGA₁) и, указывая место сообщения в эмпирическом контексте, а SAGA₃, т.е. конкретная версия саги, обозначает место сообщения в вербальном контексте.

В современном исландском языке слово *saga* используется в качестве переводного эквивалента термина "история", ср. *saga lands* "история Исландии", *alheimssaga* "всемирная история" и т.п. Значения "сага как традиционное литературное произведение" и, тем более, "событие, о котором существует рассказ", требуют поддержки контекста.

Полезно сопоставить семантическую структуру слова "сага" в древнеисландской культуре и структуру многозначного слова *история* в современной европейской культуре. Возьмем за основу один из лучших анализов употребления слова "история" в языке науки, предложенный В.И. Циммерлингом в эссе "Приговор Истории" [В. Циммерлинг 1999: 8].

- История₁: это само по себе бытие человечества во времени. Все, что *произошло*, является историей; все, что *происходит*, становится историей; все, что *произойдет*, станет историей.
- История₂: это представление о связи прошлого, настоящего и будущего; настоящее не только данность, оно и результат (следствие) прошлого, как и будущее станет следствием настоящего.
- История₃: это область исследования (знания) того, что происходило с человечеством с появления первых свидетельств его наличия. Это "история" в специальном (узком) значении *гуманитарной дисциплины*.
- История₄: это *memorabilia*, совокупная память человечества — хранилище всего, что достойно памяти.
- История₅: это область оценок существовавших институтов и свершившихся событий в соответствии с критериями, основанными на общих идеях (духовности, нравственности, справедливости, разумности, продуктивности, эффективности и т.п.).

Данные пять значений можно считать метаязыковыми. Они составляют концептуальное ядро слова "история" и покрывают спектр употреблений этого слова в языке науки (не только исторической!). Они неспецифичны для русского языка, но легко могут быть проиллюстрированы русскими примерами. Заглавными буквами в квадратных скобках приводятся семантические толкования значений слова "история".

1. И₁: *Ход истории. Это уже история.* [ПРОШЛОЕ].
2. И₂: *Исторический фактор, процесс.* [СВЯЗЬ РАЗНЫХ ВРЕМЕННЫХ СОСТОЯНИЙ].
3. И₃: *Урок истории. Книги по истории* [ОТРАСЛЬ ЗНАНИЙ].
4. И₄: *Войти в историю. Историческая фигура.* [ПАМЯТНОЕ, MEMORABILIA].
5. И₅: *Приговор истории. Курьез истории. Историческая ошибка. Историческая заслуга.* [ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО].

К пяти метаязыковым употреблениям русского слова "история" следует добавить два обиходных (им присвоены индексы "История₆" и "История₇") и одно широкое ("История₈"):

- История 6: контекст детермированных событий, в который человек попадает помимо своей воли.
- История 7: рассказ об определенных событиях.
- История 8: происхождение, цепь изменений, итогом которых является данное положение дел.

Значения И₆₋₈ воплощают следующие русские примеры:

6. И₆: *Влипнуть в историю.* [КОНТЕКСТ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ СОБЫТИЙ].

7. И₇: *Рассказать историю, интересная история.* [РАССКАЗ О ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ СОБЫТИЯХ].

8. И₈: *История вопроса. История болезни. Причинная история мира.* [ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ].

Непосредственно ясно, что три из восьми значений русского слова "история", выражающие представление об историческом процессе, связи времен и рефлексии над прошлым (И₂=СВЯЗЬ РАЗНЫХ ВРЕМЕННЫХ СОСТОЯНИЙ, И₃=ОТРАСЛЬ ЗНАНИЙ, И₅=ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО), несовместимы со спецификой древнеисландского концепта *saga*, ориентированного на рассказ о строго определенных событиях. Не имеют эквивалентов значения И₁=ПРОШЛОЕ и И₈=ПРОИСХОЖДЕНИЕ. В то же время, значения И₇=РАССКАЗ О ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ СОБЫТИЯХ, И₆=КОНТЕКСТ ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ СОБЫТИЙ и И₄=ДОСТОЙНОЕ ПАМЯТИ примерно эквивалентны выделенным ранее значениям SAGA₁, SAGA₂, и SAGA₃ соответственно. Главное различие состоит в том, что значения И₇, И₆ занимают периферийное положение в семантической структуре концепта "история", в то время как значения SAGA₁ и SAGA₂ составляют ядро концепта "saga".

Из четырех значений концепта "saga" несовместимым со спецификой концепта "история" является лишь одно — SAGA₁₋₂=НАРРАТИВНЫЙ СТЕРЕОТИП/ ВЕРСИЯ САГИ, но именно оно с наибольшей ясностью знаменует глубинное расхождение сопоставляемых концептов. Слово *saga* является семантически диффузным образованием, ни одна из граней которого не может быть полностью изолирована без ущерба для целого. Напротив, слово "история" обладает регулярной многозначностью, и именно поэтому мы в большинстве контекстов можем установить, с каким из восьми его значений мы имеем дело, и абстрагироваться от остальных. В иных терминах, язык саг поддерживает диффузность слова *saga* и порождает контексты, заставляющие учитывать все, или, по крайней мере, более одного значения (SAGA₁ & SAGA₂... & SAGA_n), в то время как узус современного общества, с присущими ему терминологическими и риторическими традициями, регулярно порождает контексты, заставляющие выбрать ровно одно значение на множестве (И₁∨И₂∨...∨И_n).

Рис. 1
Модель значения слова *saga*

(вставка)

Рис. 2
Модель значения слова *история*.

(вставка)

Уникальность литературной ситуации в Древней Исландии — в том автопортрете или памятнике, который саговая традиция рисует или возводит себе сама. Именно эту уникальную обратную связь передают употребления слова "сага" в текстах саг, поддерживающие синкретизм значений "рассказ о событиях" и "события, о которых существует рассказ". Вместе с тем, данный синкретизм является отражением весьма общих, возможно, универсальных законов передачи информации в устном и младописьменном обществе. Между этими законами и структурой младописьменного текста есть глубинная связь. Поэтому можно ожидать, что приведенный в данной статье древнеисландский материал найдет многочисленные параллели в культурах разных эпох и народов.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьменко Ю.К. 1985. Основная единица в тексте древнеисландских саг // Западноевропейская средневековая словесность. М., МГУ, с. 62-63.

Кузьменко Ю.К. 1991. Некоторые синтактико-стилистические особенности периода в древнеисландской прозе. // Очерки по историческому синтаксису германских языков, Л., с. 140 - 151.

Курилович Е. 1962. Очерки по лингвистике. М.

Пауль Г. 1960. Принципы Истории Языка. М.

Смирницкая О.А. 1974. Чередования глагольных временных форм в "сагах об исландцах" // Вестник МГУ, Филология, N 1, с. 15 -26.

Смирницкая О.А. 1993. Временная отнесенность песней "Эдды" (к определению эддических жанров) // Слово в контексте литературной эволюции. М., МГУ, с. 55 - 74.

Стеблин-Каменский М.И. 1971. Мир саги, Л.

Стеблин-Каменский М.И. 1978. Историческая поэтика. Л.

Стеблин-Каменский М.И. 1984. Становление литературы. Л.

Циммерлинг А. В. 1992. Две редакции "Пряди об Аудуне" // Слово в контексте литературной эволюции. М., МГУ.

Циммерлинг В. И. 1999. Приговор истории // Да и нет не говорите. М.

Baetke W. 1956. *Über die Entstehung der Isländersagas.* Berlin.

Dane F. 1974. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Papers on Functional Sentence Perspective / Ed. by F. Dane. Prague.

Heusler A. 1913. *Altisländisches Elementarbuch.* Heidelberg.

Heusler A. 1942. *Altgermanische Dichtung.* Potsdam.

Heusler A. 1969. *Kleine Schriften.* Bd.1-2, Berlin, Walter de Gruyter.

Jónsson Guðni 1954. Formi // Sturlunga saga, III. *Þendingasagna* *Íslönd*. Reykjavík.

Karlsson Stefán 1986. *Þáklúsir menn.* A note on two versions of *Guðmundar Saga*. // *Sagnaskemmtun.* Studies in Honour of Hermann Pálsson. Hermann Þórhlaus Nachf. Kálmán, Graz, Wien.

Knirk J. 1994. The Genetic Relationship between the Two Versions of *Þinglunga sǫgur* // IX International Saga Conference, Akureyri.

Longacre R. 1979. The paragraph as a grammatical unit. // *Syntax and Semantics*, 12. *Discourse and Syntax.* / T. Givón (ed.) New York. Academic Press.

Lord A. B. 1960. *The Singer of Tales.*

Von See K. 1981. Edda, Saga, Skaldendichtung: Aufsätze zur skandinavischen Literatur des Mittelalters. Heidelberg.

Q — Qensk Fornrit, Reykjavík 1933 -

Sturl — Sturlunga s`gur, Qendingasagnadgáfan, 1981.

Sv — Sverris saga etter cod AM 327 4o, Kristiania, 1920.

Sturl — Sturlunga saga, I-III. Guðni Jónsson bj\ til prentunar. Qendingasagnadgáfan. Reykjavík, 1954.

SUMMARY

The paper is devoted to the problem of oral narratives. The language of Old Icelandic sagas stands close to oral speech. The scribes acted as compilers/redactors at once: they used to treat the preceding versions of Sagas primarily as source of information rather than as fixed verbal form. To understand any message amounted to the ability to tell it on another occasion. The verbal behavior under law assemblies and in the other formalized contexts was marked by the speaker's wish to background his message and supply it with references to other events. The same principle constituted the shape of an episode in the Sagas: the narrator provided detailed description for the situations he considered to be necessary for the progress of the text and dropped the information he considered to be less relevant.

OIcel. word 'saga' as it is registered in the Sagas is to be analyzed as a vague lexeme denoting both 'story' and 'important event'. Some of its uses coincide with peripheral uses of the lexeme "history" in the Western terminological tradition. Nevertheless, OIcel. 'saga' has a semantically diffuse meaning whereas e.g. Rus. *istorija* 'history' is a polysemous word.